

РЫЦАРИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Огромное сборище можно было увидеть в ненастный день поздней осени на обширной равнине, покрытой пожухлой травой, истоптанной следами сапог и копытами лошадей. С сумрачного неба, застланного плотными серыми тучами время от времени начинал сыпать то моросящий дождь, то мелкий снег. Из разнородной толпы, где вперемешку стояли рыцари, закутанные в плащи, иные были на конях, их слуги, оруженосцы, в также пеший, безлошадный, но воинственный люд, священники, пилигримы, - время от времени доносились выкрики:

"Этого хочет Бог!", "На Иерусалим, братья! Изгоним неверных!"

Толпа бурлила, шевелилась, рокотала, но внимательно прислушивалась к тому, что говорил стоявший на наспех сооруженном возвышении, под балдахином, в окружении прелатов, невысокий человек в сутане, с непокрытой головой. Время от времени он воздевал к небу руки, в одной из которых держал большой крест.

"О, сыны Божии!" – взывал владыка, - поелику мы обещали Господу... блюсти права Церкви, есть Божье и ваше дело, на которое вам следует обратить свои доблести и отвагу. Именно необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку вашим братьям, проживающим на Востоке, о чем они уже не раз вас просили... Особенно пусть побуждает вас святой Гроб Господень... которым нынче владеют нечестивые... Иерусалим – это пуп земли, край плодоносной, по сравнению с другими, земли, это словно второй рай... Он ждет освобождения!"

Восторженный вопль вырвался при этих словах из отчаянных глоток, разнесшийся далеко по равнине:

"Наше дело!", "Это наше дело!", "Этого хочет Бог!".

Это происходило в конце ноября 1095 года во Франции, в поле под Клермоном, где накануне созван был собор, и папа Урбан II призвал преданных Христовой вере братьев "оставив собственные достояния и собрав необходимые средства, пусть с окончанием зимы в следующую же весну горячо устремиться по стезе Господней!"

*Кто тут обездоленный и бедный, тот
будет радостным и богатым*

(...) Воззвание папы нашло отклик в сердцах. И тут же, в поле под Клермоном, в великом воодушевлении рвали на себе рубахи рыцари и наспех нарезали из них кресты, говоря себе: "Материя недорого стоит, но если нашить ее на верхнее плечо, она стоит царствия Божия!"

И уже по весне двинулись из разных сторон, чтобы встретиться в пути, покинув свои замки и свои семьи.

(...) (Рассказ Анны Комнины, греческой принцессы, автора исторического труда «Алексиада»).

Первым из предводителей франков, кого я увидела, был Готфрид Бульонский. Он выглядел надменным, даже чопорным. Могучего сложения, величавый, он показался мне стариком, хотя ему тогда не было и сорока лет. Еще виной тому была его борода. Лицо с правильными чертами, речь неторопливая и твердая. С ним было очень много рыцарей.

О, Боже великий, что творили эти франки! Бесстыжие, дерзкие и болтливые, они понятия не имели об этикете и дворцовых церемониях! Они входили без предупреждения со свитой, вечером провожали базилиевса до его спальни и кланчили денег. Однажды во время приема франк взобрался на царский трон! После ухода этого войска все во дворце вздохнули с облегчением. И некоторое, недолгое время царилла благодатная тишина.

А когда еще через неделю или две в зал приемов вошел и остановился перед троном отца рыжий широкоплечий гигант с очень белой кожей, окрашенной румянцем, и блестящими голубыми глазами, - мне показалось, что вся зала осветилась. Я стояла в свите царицы и не отрывала от него взгляда. Тогда я была почти ребенком. Но и

сейчас, по прошествии стольких лет, я думаю, что *"не было во всей Римской империи человека, ни грека, ни варвара, подобного ему!"*

Это был Боэмунд, сын Роберта, с которым много лет воевал отец.....

И вот теперь его сын стоял перед Алексеем. Между ним и моим отцом тогда уже установилось согласие, и Боэмунд сказал:

– Раньше я был твоим врагом и противился, теперь же я пришел к тебе, как друг Твоей Царственности.

И улыбнулся, открыв ряд белых зубов. О, она была покоряющей, эта улыбка, и в то же время в ней, так мне показалось, проглядывало словно что-то хищное.

Я еще скажу о нем, о Боэмунде. У него была широкая грудь, тонкая талия и сильные руки, "его тело обладало совершенными пропорциями... и отличалось изяществом там, где ему полагалось раздаваться вширь, и обладало хорошей пропорциональностью в узких местах". Таков был этот франк. Он носил в себе мужество и нежность.

"Гнев и любовь поднимались в его сердце, и обе страсти влекли его к битве".

(...) (аноним) «И мы, вне себя от ликования, дошли до города Иерусалима во вторник, за восемь дней до *июньских ид* и чудесным образом осадили его..."

Пилигримы плакали, увидев впервые с возвышенности это чудесное, почти мистическое зрелище. Иерусалим лежал перед ними в неглубокой низинке между двумя нагорьями, окруженный уступчатыми серыми каменными стенами с башнями, с расползшейся в центре тускло-золотой бляхой Купола Скалы. Зачарованные смотрели и не верили: неужели они, в самом деле, у цели своего полного превратностей и смертельных опасностей путешествия! Не смея выражать свои восторги ликующими криками, затаив дыхание, молча, созерцали божественное зрелище и не могли вдоволь наглядеться. Оно действительно было божественным, ибо здесь, у центра мироздания, непостижимым образом соединялись материальный и духовный миры, и присутствие Его ощущалось мгновенно даже теми, кто чрезмерно был увлечен земными страстями.

"Услышав слово Иерусалим, все пролили немало радостных слез... Желая увидеть Святой град, все бросились вперед, забыв о преградах и усталости, и достигли иерусалимских стен, распевая кантики, крича и плача от радости" (аноним).

Был июнь, начало. Синяя опрокинутая чаша бездонного неба накрывала холмы. Постепенно глаза, привыкая понемногу к чуду, начинали привычно обегать панораму, оценивая расположение, прикидывая тактику осады.

Король Ричард Львиное Сердце покинул берег Палестины две недели спустя. Его сопровождал небольшой отряд преданных ему рыцарей и слуг. В последний раз, покидая этот загадочный Восток, обернувшись, долго глядел на далекие холмы, над которыми висела плохо различимая, почти сливаясь с небом, ровная гряда еще более далеких и высоких гор. Это было похоже на мираж. Призрачный мир.

Ему вспомнились слова самой древней из книг:

"*Земля* хорошая, земля потоков воды, ключей и источников, истекающих из долин, земля пшеницы и ячменя и виноградных лоз, гранатов и олив, из которых делают масло" (Втор 8:7-8).

(...) Между тем, государства, короли, народы – все ополчились против Львиного Сердца. Вся Европа следила за его передвижениями. В Марселе его ждали и готовились схватить по приказу императора.

"Перед лицом раненого льва не было такой лисицы, которая не собиралась бы его лягнуть".

На острове Корфу он нанял случайно им встреченные две пиратские галеры и плавал вдоль берега Адриатики. Корабль сел на мель недалеко от Венеции, и король-изгой вынужден был высадиться на земле, принадлежащей вассалу его заклятого врага австрийского герцога Леопольда. Его искали государства и короли, найти его было *"ценнее золота и серебра"*.

(...) Короля Ричарда Львиное Сердце захватили спящим. Это было в декабре, накануне Рождества.

Его заточили в замке Дюрнштейн на высоком берегу Дуная. Днем и ночью его стерегла стража с обнаженными мечами.

Существует легенда, что на поиски друга юности отправился из страны Ок трубадур Блондель Нельский. Он проехал всю Германию и Австрию и под каждой крепостью распевал одну и ту же песню, которую когда-то они сочинили и пели вместе с Ричардом. Однажды, когда плыл по Дунаю, он услышал откуда-то с заоблачной вышины продолжение песни.

ПОМРАЧЕННЫЙ РАЗУМ

Ирод не видел казни Мириам. Никто не видел его после казни. У него не хватило бы сил смотреть на обезглавленное тело с безжизненно повисшими руками, как бы объевшимися камень, который служил плахой, тело, которое он привык сжимать в объятиях страстно! (...) Пока длилась казнь, он сидел, трясаясь и громко стуча зубами, почти в беспамятстве на корточках за каким-то сложенным из камней сарайчиком у одного из домов в бедном квартале опустевшего знойного города, все жители ушли посмотреть на редкое зрелище позорной казни царской жены, которую, конечно, более половины из них в душе своей считали безвинною. А когда первые вернувшиеся потянулись по улицам, он, накрыв голову какой-то хламидой, не переставая трястись, закоулками выбрался за пределы города и побежал быстро, точно преследуемый зверь, вперед без разбору. Ущелье сменялось ущельем, долина долиной, его обступали холмы Александреума, а он всё бежал, не чувствуя усталости.

(...) День сменился ночью, почти не принесшей прохлады. Огромная, полная, голубовато-желтая луна встала низко над холмами. Они были пусты, совершенно пусты, ни тени от притаившегося где-нибудь в расщелине скалы маленького зверька, ни кустика, только коричневые склоны, изрезанные причудливыми контурами отрогов и ущелий. Ирод лежал, облокотясь о землю, положив голову на ладони, глядя на это первобытно простое и завораживающее зрелище. Оно было, как застывшая музыка, грозная и величественная музыка мироздания. Луна, окруженная бледно-жёлтым ореолом, тёмно-сизое небо и коричневые холмы. И ничего больше. И в этом было всё. В этом был Бог. И ещё каким-то непостижимым смыслом во всём этом была Мириам.

(...) Потом вдруг в одно мгновение мир переменился, и Ирод, привстав, вглядывался. Вдруг всё вокруг заструилось, словно стали видимыми раньше не замечаемые никем из живущих вихри, заполнявшие мир! Блестящими струйками посверкивало небо, вихорьки закручивались, окружая, обнимая скалы, яростным, ослепительным кружением лохматилось страшное солнце, тихо струился фон коричневых холмов. Он принял этот новый мир без вопросов и размышлений и лежал, приглядываясь, привыкая к нему, удивляясь, отчего раньше не замечал этого кружащегося, ожившего мира.

А потом пришел котёнок. Небольшая рыжая киска, по всей видимости, дикая, с круглыми светло-зелёными глазёнками, которыми она внимательно и спокойно, но с безопасного расстояния, разглядывала лежащего на земле человека. Это было первое существо, пришедшее из оставленного им реального мира. Невольно Ирод, безумно любивший этих милых, пушистых зверьков, потянулся к нему, но котёнок отбежал подальше, однако не ушёл совсем и продолжал наблюдение. Так прошло порядочно времени. Котёнок вытянул лапки и лёг, заняв более спокойную позу. Ирод не делал больше попытки дотянуться до зверька, и оба долго глядели друг другу в глаза, рыжий котёнок, житель пустыни, и сломленный духом царь иудейский. И это было хорошо. Зверёк понимал его лучше, чем множество людей, которых он оставил.

(...) Уже, кажется, не осталось места в растягиваемых без меры желудках пирующих. Но подали на этот раз действительно диковинное блюдо, показывающее, что нет

предела фантазии, когда на это есть деньги и время. Сооружен был на блюде целый город, стены и башни с флагами, улицы и дворцы, всё было сделано из фарша с ароматными приправами, предел кулинарного искусства кухни Марка Антония, римлянина.

– Бьюсь об заклад, – воскликнул хозяин, – вам не угадать, какой это город! А! Это прекрасный и диковинный город, други мои дорогие. Старина Марк знает все его закоулки, да. Нет такого приморского кабака, где бы я не набил морду и бока не намял всяческому сброду. Но не только об этом вспоминаю Марка, не только о таких обыденных вещах. Дивные денечки там были мною прожиты, клянусь персями Венеры, дивные ночи, други мои дорогие! Ради таких воспоминаний стоит жить!

Племянник Цезаря хотел было что-то произнести, но его опередил Ирод.

– Думаю, что не ошибусь, сказав, что твой умелец повар, милый Марк, с потрясающей точностью и большим искусством воспроизвёл прибрежный квартал Александрии египетской вместе с садами и дворцом царицы Клеопатры, – сказал и тут же пожалел об этом.

– А ты почему знаешь? – удивленно воззрился на него Антоний.

– По пути сюда я ненадолго останавливался там, – начал выпутываться, – в александрийском порту я нанял суденышко, которое должно было доставить меня в Брундизию. Но по пути, – я, помнится, утром тебе рассказывал об этом, – нас настигла сильная буря на море, и суденышко наше разбилось у Родоса о прибрежные скалы. Я еле спасся вместе с несколькими матросами...

– Помню, помню, ты рассказывал, – проворчал Антоний и, помолчав. – Так ты, стало быть, был у нее. Видел.

– Знакомство мое с царицей было мимолетным...

(...) Да, роскошь садов царицы Клеопатры, раскинувшихся на много стадий, сравнима была лишь с роскошью её дворцовых покоев. Во множестве фонтанов, украшенных причудливыми мозаиками, сверкающие струи исторгались из глоток морских чудищ; на поверхности воды пышно цвели лилии, а в недалекой её глубине мелькали и извивались серебристые и ярко-красные тела рыб. По дорожкам среди кустов, усыпанных яркими цветами, важно прогуливались павлины. Беседка устлана была коврами искуснейшей работы, густо обвита виноградными лозами со свисающими иссиня-чёрными, матовыми гроздьями. Пышные розовые кусты заслоняли сидевших в беседке от чьих-либо взглядов.

Ирод отпил вина. Она разговаривает с ним, как с мальчишкой-провинциалом. Кстати, она моложе его. Но выглядит старше. Опытная, отпетая шлюха. Чрезмерный любовный опыт старит женщину. Собственно, он не имел ничего против шлюх. А! Плевать ему на то, что она – царица Египта, но за кого принимает его эта царственная кокотка, если думает, что он готов по первому ее зову упасть на нее и наставить рога своему покровителю и другу Марку Антонию, римлянину! Баба она и есть баба. Хотя, ничего не скажешь, соблазнительна чрезвычайно. При других обстоятельствах...

– Видишь ли, царица, – произнес, ясно глядя ей в лицо, лишь в самой глубине его глаз затаились насмешливые искорки, – должен тебе сказать, что мужское желание у меня бывает только два раза в год. Извини поэтому, что не могу воспользоваться твоим ко мне расположением, увы, к сегодняшнему дню я свой лимит уже израсходовал, – и улыбнулся широко, сверкнув зубами, и в этой улыбке, да и в словах, нескрываемая не могла не почувствоваться издёвка. – Поверь, мне очень жаль.

Последовала минута молчания. Клеопатра глядела ему в лицо, не в силах сразу поверить услышанному. Ни сейчас, опомнившись, ни потом не смогла понять, почему он не умер в то же мгновение, почему она промедлила хлопнуть в ладоши и одним движением ресниц отдать приказ ко всему привыкшему рабу пронзить наглеца кинжалом, ибо нельзя остаться жить мужчине, посмевавшему насмехаться в лицо над Клеопатрой и оскорбить ее, отвергнув, да еще с таким предисловием, ее любовь!

И так и не смогла себя понять, почему отпустила парня живым из дворца и из города. Что остановило ее? Бог знает! Бог знает, – подумала она тогда, – что на уме у

этого наглого иудея с торсом египтянина, что он еще выкинет. Очень уж он спокоен... Быть может, звериным чутьем царица почувствовала опасность.

И после недолгого, но показавшегося нестерпимым молчания, закинув голову, так что заплетённые в мелкие, разлетающиеся косички волосы ее зазмеились, свисая до земли, царица громко расхохоталась и, оттолкнувшись легко кончиком золочёной сандалии, закачалась на гамаке, продолжая хохотать.

КОГДА ГОСПОДЬ...

*Мир Мой, мир Мой! О, если бы вечно пребывал
ты таким же прекрасным и чистым в очах Моих,
как в первые дни твоего существования!*
(Агада, "Сотворение мира", с.23)

Когда Господь решил, что пришло время сотворить мир, то Он облачился в ослепительно белые ризы, от которых потоками хлынул свет, засиявший от края до края Вселенной.

"Мир был сотворен в урочное время, ранее которого ему не подобало быть созданным" (там же).

Из-под своего престола Он вынул тяжелый камень и бросил его в бездну. Камень повис, одной стороной обращенный в бесконечное пространство, а другой край его выступал над землей. От этого камня, который называют краеугольным или еще: камнем мироздания, распространилась Святая земля, Эрец, и весь остальной мир.

О том, как были созданы земля и небо и звезды, растения, животные и человек, – рассказывается в Ветхом Завете, в Первой Книге Моисея "Бытие".

Пятикнижие Моисея на иврите – Тора, а название Первой Книги "Берешит" – "В начале". Первая буква этого названия – «

(...) Взялись за восстановление стен и ворот вокруг города. Об этом рассказывается в описании путешествия в Иерусалим пророка Неемии. Он жил в Вавилоне и отпросился у царя посетить город, *"где гробы отцов моих, чтоб я отстроил его"* (Неем 2:5).

Рассказывается, как ночью он объезжал разрушенный город. Через ворота Долины и мимо Драконова источника проехал к воротам Навозным и дальше к источнику Селах против царского сада до ступеней спуска из города Давида и до гробницы Давидовой...

Неемия упоминает всех, кто и где по его призыву отстраивали стены, ворота и башни, – иерихонцы и жители Сенная, священники и левиты, начальники полуокругов, и серебряники, и торговцы. И Водяные ворота, Конские, Овечьи и Темничные...

Евреев, однако, не ждали на этой земле. Враги и недоброжелатели из соседних племен, среди них были аммонитяне и самаритяне и аравитяне, смеялись над иудеями, говоря, что *"пойдет лисица и хвостом разрушит их каменную стену"* (там же, 4:3).

Пытались и нападать на строящих. Тогда евреи разделились, половина из них строили, половина охраняли их с копьями и луками. И у каждого были под рукой *меч и вода*.

Стены были отстроены за пятьдесят два дня.

Книжник Ездра, так же, как и Неемия пришедший в Иерусалим из Вавилона, читал для народа на площади перед Водяными воротами Книгу закона Моисея. И многие заново постигали премудрости заповедей. Неемия же проклинал тех иудеев, которые отступили от закона и взяли себе жен иноплеменных, а некоторых мужей он даже бил и таскал за волосы. Также и Ездра, узнав о сожительстве даже некоторых священнических сыновей с чужеземными женами, разодрал на себе нижнюю и верхнюю одежду и молился об их грехе и, назвав преступлением, велел иудеям отлучить от себя иноплеменных жен вместе с детьми.

И была восстановлена святость субботы, и впервые по возвращении из вавилонского плена евреи отпраздновали в Иерусалиме дни Кушей. По указанию пророка они пошли на гору и набрали маслины садовой и дикой, ветви миртовые и пальмовые, *"чтобы сделать кущи по написанному"*. Устраивали из тех ветвей шалаши во дворах и на кровлях, и всё общество возвратившихся из плена жило в кущах.

(...) Строительство Дома Господа было закончено в третий день месяца адара, в шестой год царствования Дария. Он повторял строение Соломонова Храма, так же как последний воспроизводил созданную во время путешествия евреев по пустыне Скинию собрания Моисея. Но был этот новый Храм значительно скромнее, не так роскошен, беднее были украшения, не было ни двух медных столбов, ни медного моря. Некоторые старики, те, кто помнили прежний Храм, плакали горько. Другие радовались громогласно и славили Господа.

"И не мог народ распознать восклицаний радости от воплей плача народного" (там же, 3:13).

В Святая Святых, куда вход был разрешен только первосвященникам и только в Судный день, находился Ковчег Завета, но без скрижалей Моисея. Перед Храмом стояли две витые колонны, и по их спиралям видели, как стекала слеза печали, это был плач по Первому Храму.

Так будет до нового расцвета страны при царе Ироде Великом, который заново отстроит и роскошно украсит Дом Божий, он расширит территорию города и выстроит мощные башни, своей грандиозностью поражавшие современников.

И скажут так: "Кто не видел Иерусалима в полном величии его, тот не видал в жизни истинно великолепного города, и кто не видел Храма в полном его сооружении, тот не видал никогда замечательного по красоте здания" (Агада, "Эпоха Второго Храма").